



Елена Арсенъева

Верни моё имя!

Большая книга ужасов

Елена Арсеньева

Верни мое имя!

«Елена Арсеньева»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Верни мое имя! / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева»,
2016 — (Большая книга ужасов)

ISBN 978-5-699-89135-1

В один миг Васька Тимофеев лишился собственного имени, голоса, тела... и очутился в чужом. А тот, кто занял его место, выглядит теперь точно как он. Чужак живет его жизнью, и мама с папой считают: их сын по-прежнему с ними. Только вот ведет себя странно... Между тем ведьма, мстящая Тимофеевым за давние обиды, твердо решила известить всю семью. И подосланный оборотень – ее верный слуга. Что делать, как спасти родителей и себя, если ты перестал быть человеком?!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89135-1

© Арсеньева Е. А., 2016
© Елена Арсеньева, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25



Верни мое имя!

**Елена Арсеньева
Верни мое имя!**

Все началось с того, что Васькин отец, Петр Васильевич Тимофеев, получил наследство от своей троюродной прабабки.

Звали ее Марфой Ибрагимовной Угрюмовой. Она одиноко обитала в деревне Змеюкино Шаманихинского района. Дом, в котором Марфа Ибрагимовна прожила свою долгую жизнь, и достался Тимофееву.

Обо всем этом он узнал из письма, которое прислала какая-то В. У. Угрюмова. Очевидно, родственница Марфы Ибрагимовны.

– Вот тебе раз! – воскликнул Тимофеев-старший. – Дом в наследство! Удивительно! Я и не знал, что моя троюродная прабабка жива!

– Ну, может, она с остальной родней перессорилась, поэтому и держалась от всех подальше, – предположила его жена, то есть Васькина мама Вера Сергеевна.

– Я об этой прабабке вообще никогда слыхом не слыхал! – продолжал удивляться Тимофеев. – Тем паче видеть ее не видел!

– Ну зато теперь увидел, – усмехнулась его жена. – Отчасти, так сказать.

Вместе с письмом Тимофеев получил бандероль с портретом троюродной прабабки: свернутым в трубку холстом без рамы.

К сожалению, полотно от времени почти сплошь покрылось трещинами. С трудом удалось рассмотреть черты очень старой, но еще красивой женщины с гладко причесанными седыми волосами.

Но самое странное, что портрет оказался аккуратно разрезан посередине. Тимофеевым досталась только правая его половина.

– Интересно, дом тоже надвое разделен? – растерянно сказала Васькина мама. – Левую половинку портрета другому наследнику отправили?

Тимофеев-старший покачал головой:

– В письме сказано, что мне принадлежит весь дом. А может, вторая половина портрета там и осталась? А нам только одну прислали, чтобы подогреть, так сказать, интерес к наследству?

– С ума сойти, как интересно! – хмыкнула Васькина мама. – У меня вообще нет никакого желания в это самое Змеюкино тащиться! Одно только название чего стоит! Змеюкино, Гадюкино... И в деревне Змеюкино тоже дожди? Бр-р! Нет, не хочу туда!

– А почему бы не съездить? – нерешительно спросил Васькин отец. – Мы ведь подумывали о том, чтобы домик в деревне купить, а тут он как бы сам в руки идет. И наверняка там есть какой-нибудь приусадебный участок, а может быть, даже и сад...

– Если судить по сохранности портрета, это окажется развалюха какая-нибудь с протекающей крышей, – безнадежно вздохнула Вера Сергеевна. – Да еще у черта на куличках! Ты хоть знаешь, где это Змеюкино находится?

– Навигатор нам в помощь, – бодро отозвался Тимофеев-старший. – Так что готовьтесь, ребята: в субботу отправимся в родовое, не побоюсь этого слова, поместье. Васька, ты что скажешь? – обернулся он к сыну.

Васька пожал плечами. А что он мог сказать?

В книжках и фильмах наследство – это дворец, или огромные деньги, на которые можно такой дворец купить, а заодно съездить в кругосветное путешествие... или, к примеру, какой-нибудь волшебный перстень, благодаря которому ты становишься властелином Вселенной! Правда, случается иногда, что ты заодно огребаешь кучу неприятностей в виде проклятий, которые влачатся за тобой из глубины веков и норовят прикончить.

Но все равно – это круто! А деревенский домишко... и этот облупившийся портрет...

Ерунда, а не наследство!

Будь Васькина воля, он бы портрет немедленно выкинул на помойку, а про домик в деревне Гадюкино-Змеюкино вообще бы забыл. Вместе с приусадебным участком! Судя по

рассказам одноклассников, они, бедолаги, на таких участках пашут не разгибая спины, и родителям-«садистам» (кажется, не только в переносном, но и в прямом смысле!) глубоко плевать на то, что это, прямо скажем, бесчеловечно: закопать ребенка живьем в землю на все время каникул.

Похоже, теперь и Ваську ждет такая участь!

* * *

И вот настала суббота.

Тимофеевы погрузили в багажник новенького, недавно взятого в кредит «Ситроена» сумку с продуктами, а потом и сами погрузились в салон: мама с папой впереди, Васька на заднем сиденье – и оправались в путь, послушно руководствуясь маршрутом, который прокладывал для них навигатор.

– Веди нас, Сусанин! – бодро сказал ему папа, а мама испуганно воскликнула:

– Я тебя умоляю! Обойдемся без приключений!

Васька тихонько вздохнул. Он бы не отказался от парочки-тройки небольших приключений! Например, от какой-нибудь незначительной поломки, или внезапно закончившегося бензина, или длиннющей пробки... Словом, от чего-нибудь, что застопорило бы путь на несколько часов и в конце концов вынудило взрослых вернуться, так и не доехав до деревни с отвратительным названием Змеюкино.

При этом Васька прекрасно понимал, что надежды его напрасны. В новых французских автомобилях поломок не бывает по определению, бензином отец заправился с утра пораньше и даже не забыл по запасную канистру, а в пробке стоять – себе дороже, особенно если за это время успеваешь разрядиться мобильник и даже в Интернет не выйдешь! Поэтому Васька смирился с судьбой и тупо смотрел на дорогу.

– Между прочим, – вдруг сказал Тимофеев-старший, – Феликс просил меня посмотреть, не найдется ли в этом Змеюкине какой-нибудь старой конюшни. Ты же знаешь, Верочка, он с ума сходит, так хочет открыть базу отдыха и хорошую конюшню при ней!

Настроение у Васьки несколько улучшилось. Феликсом звали директора фирмы, в которой работал отец. Если он будет держать лошадей в Змеюкине, определенно удастся покататься верхом, и не один раз!

Ехали примерно часа полтора по Семеновской трассе, миновали Шаманиху и начали высматривать указатель на Змеюкино, когда зазвонил отцовский телефон.

– Аллю! – сказал Тимофеев-старший. – Привет, Феликс. Упомяни о черте, а он уж тут!

Но, кажется, директор не был настроен шутить. Мобильник громко и сердито кричал... Через пять минут очень темпераментного разговора отец наконец швырнул телефон под ветровое стекло и буркнул:

– Все, съездили посмотреть наследство! Придется срочно возвращаться.

– Я так и знала, – вздохнула Вера Сергеевна. – Опять потеряли какой-то договор и только ты можешь спасти мир?

Фирма, в которой папа возглавлял юридический отдел, называлась «Мир услуг», и Васькина мама частенько острила на эту тему.

– Да ну их в лес! – воскликнул Тимофеев-старший и принялся многословно объяснять, что случилось и почему он ни в чем не виноват.

Он так увлекся своим рассказом, что продолжал ехать в прежнем направлении и даже успел свернуть к Змеюкину!

Пришлось Ваське напомнить, что, по идее, пора бы и возвращаться.

Тимофеев-старший буркнул сердито:

– Не мог раньше сказать, что ли?! – круто развернулся – и заехал на обочину.

«Ситроен» резко накренился влево – и застрял левым задним колесом в какой-то яме.

– Нет, только не это! – воскликнул отец трагическим голосом.

– Погоди, мы с Васькой выйдем, – предложила Вера Сергеевна. – Может быть, легче будет?

Они выбрались из машины и отошли в сторону, уныло наблюдая, как приплясывает «Ситроен», пытаясь выбраться, но увязая в земле еще глубже.

– Кажется, это надолго, – безнадежно вздохнула Васькина мама.

Внезапно какой-то звук прорвался сквозь надсадные стоны мотора. Вроде бы мяукал кто-то совсем рядом!

Мать и сын огляделись – и обнаружили серого котенка, который сидел, аккуратно обвив лапки хвостиком, и тихонько попискивал, задрав голову и уставившись на людей огромными желтыми глазами.

– Ого! – воскликнула Вера Сергеевна. – Ты чей такой?!

Котенок мяукнул в ответ, прижался к ее кроссовке и принялся тереться о нее.

– Ах ты мой маленький! – умилилась Вера Сергеевна и осторожно взяла котенка на руки. – Ну какой же ты прелестный! Правда, Васька?

Котенок и в самом деле был очень хорошенький. Пушистый, с большими ушами, чистеньким розовым носиком и каким-то удивительно смышленным выражением мордочки.

– Ну да, ничего, – согласился Васька.

– Ничего?! – возмутилась мама. – Да это же просто чудо! Кстати, у него шерсть пепельного цвета – совсем как твои волосы, замечаешь? Вот именно о таком котеночке я и мечтала!

– Так что, мы его берем? – удивился Васька.

– Конечно! – пылко воскликнула мама. – Наверное, его завезли сюда и выбросили! Бывают же такие бессердечные люди!

Васька печально вздохнул. Котенка, конечно, жалко, но... но лучше бы его не находили. Теперь придется проститься с мыслями о собаке, потому что двух живностей родители держать ни за что не разрешат.

А вдруг папа не согласится брать котенка?

Однако надежда на это мигом рухнула, потому что отец, которому наконец-то удалось выбраться из ямины и выехать на дорогу, очень обрадовался, увидев у мамы на руках серенький пушистый комочек, и даже изрек:

– А ведь этот котенок принес нам счастье! Как только он появился, машина сразу перестала буксовать.

– Вот увидишь, – пылко подхватила мама, – у тебя и все проблемы с пропавшим договором уладятся! Говорят, спасенное животное приносит счастье в дом!

Васька вытаращил глаза.

Ну и дела! Интересно, среди его предков не было, случайно, древних египтян? Кажется, это они обожествляли кошек и приписывали им всевозможные магические свойства?..

Ну, короче, теперь их в машине стало четверо. Мама не спускала котенка с колен, папа поглядывал на них обоих с умилением и беспрестанно кискал, а еще они с мамой наперебой перебирали имена в поисках того, которое дадут новому обитателю квартиры Тимофеевых.

Ваську не спрашивали, да он и сам помалкивал, надеясь, что никто не додумается назвать котенка Васькой.

«Ситроен» повернул на федеральную трассу – и здесь вдруг уперся в хвост совершенно нереальной по размерам пробки. Сзади его немедленно подпер огромный оранжевый «КамАЗ».

– Не выберешься! – воскликнул Тимофеев-старший.

Ваську так и подмывало посоветовать родителям помолиться котенку и попросить его разогнать пробку, но по зрелом размышлении он решил не нарываться на неприятности.

Васька покосился на другую руку и обнаружил, что с ней произошло то же самое. Да и ноги у него тоже сделались маленькими, мохнатыми, четырехпальными. Кроссовок на них уже нет – в кроссовки теперь обут какой-то мальчишка, на коленях у которого сидит Васька... И этот мальчишка одет в его джинсы и футболку, на запястье у него Васькины часы, а еще у него пепельные Васькины волосы, и чуть вздернутый нос, и светло-карие глаза, и вообще это вылитый Васька Тимофеев, ну самый настоящий Васька Тимофеев!

«А я тогда кто же?!» – всерьез испугался Васька и изо всех сил встряхнулся, чтобы прогнать этот дурацкий, этот пугающий, этот ужасный сон, однако чья-то тяжелая рука легла ему на шею и сжала изо всех сил.

– Ну ты, кошак, сиди тихо! – раздался противный грубый голос. – Убери свои дурацкие когти! Перестань царапаться, а то выкину из машины!

Васька Тимофеев и не собирался царапаться. Он просто пытался оторвать от своего горла жестокие пальцы, которые, кажется, норовили его задушить.

Кое-как ему удалось вырваться, однако пальцы тотчас стиснули его загривок и подняли в воздух.

Васька рвался и брыкался, силясь дотянуться до лица, которое ну вот только что, несколько минут назад принадлежало ему и было довольно симпатичным и добродушным, а сейчас казалось отвратительным, злым и хищным.

– Очень странно, – послышался голос отца. – А я где-то читал, что, если котенку стиснуть загривок, его можно обездвижить. А этот брыкается – вы только посмотрите как!

– Папа, спаси меня от него! – вскрикнул Васька Тимофеев, изо всех дергаясь, чтобы освободиться от немилосердной хватки, но из его горла вырвалось только жалобное мяуканье. Зато маленькие, покрытые шерстью лапки дотянулись до лица этого мерзкого и злобного мальчишки!

– Мама! Папа! – взвизгнул мальчишка. – Он меня поцарапал, этот ваш паршивый котенок!

– Я никакой не котенок, это ты котенок! – заорал Васька, однако вновь смог издать всего лишь какой-то возмущенный хриплый мям.

– Как хотите, а я его выброшу! – плаксиво выкрикнул мальчишка и... и в самом деле вышвырнул Ваську Тимофеева в открытое окно – да с такой силой, что тот пролетел над обочиной, над придорожными кустами и мягко, на все четыре лапы, приземлился уже под березами, в лесу, близко подступившем к шоссе.

* * *

Васька сломя голову кинулся обратно, то и дело путаясь в траве и собственных конечностях, которых теперь было у него чрезмерно много, наконец добежал до дороги – и отпрянул от рычащих, стремительно мчавшихся по дороге машин.

Движение внезапно восстановилось! Пробка рассосалась с невероятной скоростью, и «Ситроен» умчался далеко вперед, увлекаемый общим потоком.

Родители уехали... они и заподозрить не могли, что мир вокруг них перевернулся и его уже не спасти, что они лишились своего сына, что его место занял кот-мальчик... а их Васька, их сын Василий, Василий Петрович Тимофеев, сидит сейчас на обочине трассы, упираясь четырьмя трясущимися лапками в землю, дрожит весь, от ушей до хвоста, не в силах смириться с тем кошмаром, который с ним внезапно приключился, и все ждет, что проснется от этого страшного сна, что эта жуть развеется словно черная туча, закрывшая небо, и сквозь ее обрывки проглянет наконец солнце реальности и все вернется на свои места.

Ждет, что он снова станет человеком!

Однако чуда не произошло. Васька с ужасом осознал, что ему придется на своих двоих, вернее четырех, тащиться в город, отыскивать дорогу домой, скрестись под дверью и...

И что?! Что делать потом?!

Жалобно мяукать и ждать, что его впустят? Или дадут пинка? А даже если и впустят, то как... как жить дальше котом?!

– Ха! Ха! Ха! – раздался вдруг рядом чей-то громовой хохот.

Васька испуганно огляделся, потом задрал голову.

Да нет, никто не хохочет. Это налетела большущая черная ворона, кружит над ним и каркает во все воронье горло:

– Кар! Кар! Кар!

На самом-то деле на хохот это ничуть не похоже. Куда больше напоминает какой-то воинственный клич! Вообще такое впечатление, что намерения у этой вороны самые недобрые. Вот она заложила над Васькой крутой вираж, будто фашистский самолет в фильмах про войну, а потом резко пошла на снижение... вернее, на штурм!

Интересно, вороны питаются котами?

Раздумывать над этим времени особо не было. Васька еле успел отпрянуть под защиту разлапистого куста, в который чуть не врезалась ворона. Однако это, похоже, ее не разозлило, а насмешило, потому что она снова разразилась своим «кар-кар-кар», и на сей раз это настолько напоминало издевательский хохот, что Васька озадачился.

Какая-то чрезмерно разумная ворона... Вообще, говорят, это мудрые птицы. Только вряд ли вороньей мудрости хватит на то, чтобы понять: перед ней не какой-то жалкий котенок, которого она, судя по всему, запросто может прикончить одним ударом своего черного костяного клюва по башке, а потом постепенно расклевать, а существо еще более разумное, чем она сама, – человек!

Хомо, так сказать, сапиенс. И вообще царь природы!

Каркающий хохот вновь раздался совсем рядом.

Васька очнулся от размышлений о собственном величии и обнаружил, что ворона стоит около куста, под которым он притулился, и поглядывает на него, забавно поворачивая голову. Казалось, ей удобней смотреть одним глазом, а не обоими. А может быть, она этой своей головой просто-напросто покачивала с откровенной насмешкой: «Нашел куда от меня спрятаться, дурачок! Да ведь я тебя запросто достану!»

И в самом деле – ворона, переваливаясь, заковыляла к Ваське, чуть нагнувшись вперед, чтобы удобнее было подлезть под ветки.

Ужасный черный клюв был уже совсем близко, когда Васька понял, что хватит думать – пора действовать!

Он выскочил из-под куста – и понесся куда глаза глядят, стараясь все время находиться под защитой травы, кустов и деревьев. Угодил в заросли крапивы, которые казались бесконечными. Мельком подумал, что человек, попав сюда, мог бы и умереть от боли и ожогов... правда, никакой нормальный человек сюда бы не сунулся! Наконец Васька выбрался из крапивы и помчался дальше, то путаясь в высокой траве, то выбираясь на какие-то узехонькие стежки-дорожки, протоптанные, похоже, такими же крохотными лапками, какие теперь были у него самого. Небось раньше, будучи человеком, Васька и не разглядел бы их!

Небось раньше, будучи человеком, он не драпал бы от вороны в таком темпе и в такой панике! Уж наверное нашел бы какую-нибудь палку и отбил бы! Еще и, гляди, обратил бы саму ворону в бегство!

Вдруг Васька замер. Он и не заметил, как лес кончился и теперь он оказался рядом с каким-то неказистым домишком: с просевшей крышей, повалившимся на один бок крылечком, покосившимися стенами, подслеповатыми окошками, в которых кое-где мутнели стекла, а кое-где они были просто забиты досками.

Кто здесь живет, какие люди? Добрые или недобрые? И есть ли вообще жизнь в таком домишке?!

Впрочем, толком поразмышлять на эту тему Ваське не удалось: ворона нашла его и вновь начала описывать над ним круги! Он метнулся вперед, запрыгнул с разбегу на одну ступеньку, вскарабкался на другую, чуть не провалился в щель на третьей, подскочил к двери, которая оказалась приотворена, протиснулся в нее, перевалился через ветхий порожек, миновал крохотные сенцы, заваленные каким-то старьем, – и оказался в полутемной комнатенке.

Ну и ну... Сколько же времени тут не ступала нога человека?! Все стены, пол, потолок и немногочисленная обстановка были оплетены паутиной, поросли мхом, подернулись белесой плесенью и выглядели совершенно отвратительно и пугающе. Окна запылились настолько, что ни единый солнечный луч не мог через них проникнуть.

Единственной вещью, которой не коснулось общее запустение, оказался висевший на стене портрет: просто холст без рамы.

К сожалению, полотно от времени почти сплошь покрылось трещинами. С трудом удавалось рассмотреть черты очень старой, но еще красивой женщины с гладко причесанными седыми волосами.

Вдобавок ко всему, портрет оказался аккуратно разрезан посередине. И на стене висела только левая его половина.

Васька разинул от изумления рот – да так и сел на заплесневелый пол. Да ведь перед ним висит вторая половина того самого портрета, который несколько дней назад получили Тимофеевы вместе с извещением о наследовании домишки в деревне Змеюкино.

То есть это получается что? То есть что же это получается? Это получается, что Васька сейчас находится в деревне Змеюкино?! В том самом доме, который был завещан Тимофееву-старшему?!

– Не может быть... – ошалело мяукнул он.

В этот миг половинка рта, еле различимая среди трещин на портрете, зашевелилась – и раздался старушечий голос:

– Зачем ты сюда пришел, Васька Тимофеев? Бежал бы восвосяси! Хотя от нее ведь не отвяжешься... Теперь мучиться тебе, бедолаге, неисчислимыми муками, пока черная тварь злобу свою не насытит и мезтью не насладится!

– Какая мезть? – пролепетал Васька ошеломленно. – Откуда вы знаете, как меня зовут? Какие муки? Какая черная тварь?! Кто это?

– Кто-кто! – буркнул портрет. – Известно кто! Ульяна Угрюмова! Ведьма Ульяна!

– Ведьма?! – тупо повторил Васька. – Но я никакой ведьмы не видел...

Зубы у него стучали от страха, мяуканье выходило прерывистым и неразборчивым, словно бы заикающимся...

– Не видел? – повторил портрет. – Ну так сейчас увидишь, бедолага!

Внезапно за Васькиной спиной повеяло мертвенным холодом. Он обернулся – и с визгом вскочил, заметался туда-сюда и наконец забился в угол, отчаянно желая сделаться таким же пыльным, замшелым и заплесневелым, как все в этой комнатенке, слиться с окружающим, только чтобы его не различила и не настигла черная мгла, которая медленно просачивалась в щелястую дверь.

* * *

Тьма сначала стелилась по полу, потом собралась в комок – и вдруг приняла очертания черной птицы, в которой Васька с ужасом узнал ту самую ворону, которая гналась за ним. Через миг ворона приняла облик змеи, вставшей на хвост, и закачалась в разные стороны, вертя маленькой плоской головкой, словно пытаясь отыскать скорчившегося в укром-

ном уголке котенка. Вдруг змея свилась клубком и обернулась черной свиньей, которая мерзко хрюкнула, обратив к Ваське свой широкий вздернутый пяточок, но тут же вместо свиньи появилась женская фигура с понурой головой, распущенными волосами и руками, прижатыми к груди в том месте, где она была пронзена какой-то заостренной палкой.

При виде этой женской фигуры половинка портрета издала пронзительный вопль, яростный и в то время жалобный, а в ответ раздался издевательский хохот, снова напомнившей Ваське воронье карканье, – и черная тьма рассеялась: втянулась в щели в стенах, окнах, дверях, прилипла к потолку в виде черной паутиной бахромы – а посреди комнаты возникла одетая в длинное черное платье женщина, которая в одно мгновение нашла глазами Ваську и весело, добродушно улыбнулась ему:

– Здравствуй, котишка-оборотень!

На первый взгляд она была необыкновенно красива: черноволосая и черноглазая, с длинными стрелчатыми ресницами, белолицая и румяная... однако красота ее не восхищала, а пугала. Сросшиеся на переносице брови, тонкие, искривившиеся в недоброй ухмылке губы, острый подбородок и длинный, слегка загнутый нос придавали ей зловещее выражение.

Может быть, это не бросалось бы так в глаза при встрече на освещенной солнцем улице, но если вспомнить, где происходило дело и что предшествовало появлению красавицы, из какого черного дыма и мрака она возникла...

Да, тут уж было не до восхищения – от нее хотелось отвернуться и больше никогда в жизни не видеть!

«Ведьма, черная тварь», – вспомнил Васька слова портрета, и такая дрожь пробрала его, что показалось, будто даже стенка, к которой он прижимался, задрожала.

В самом деле – это была красота ведьмы, вампира, красота зла... если только зло может быть красивым.

– Ну, котишка-оборотень, – продолжала женщина, – я и не думала, что ты приткий такой. Лихо от меня удирал! Или очень спешил наследство Марфы Ибрагимовны посмотреть?

И она захохотала, а портрет скривился словно в приступе боли.

Ваське было очень страшно, однако еще больше его разбирало любопытство.

– А скажите, пожалуйста, – робко мяукнул он, – неужели Марфа Ибрагимовна моему папе именно этот дом завещала? Уж очень он старый. Такое ощущение, что в нем вообще тыщу лет никто не жил.

– Ну ты скажешь, котишка-оборотень, – развела руками ведьма Ульяна. – Тыщу лет! Да всего каких-нибудь сотни полторы, не более того. С тех пор, как Марфа Ибрагимовна померла.

– Слушайте, здесь какая-то путаница! – воскликнул Васька. – Если она умерла сто пятьдесят лет назад, она никак не могла быть троюродной прабабушкой моего папы. Тогда даже моя троюродная бабушка еще не родилась! А про папу вообще и мыслей ни у кого не было. Значит, Марфа Ибрагимовна не могла завещать ему дом.

– А ты догадлив, котишка-оборотень! – одобительно сказала Ульяна. – Само собой, ничего и никому Марфа Ибрагимовна не завещала – это я все подстроила, чтобы вместо тебя моего слугу к вам в дом заслать, а тебя сюда завести. Ты Васька, и он котом Васькой был! Думаю, уж достаточно долго! Я Петру Тимофееву буду вечно мстить через потомков его! Теперь твои мать с отцом хорошенько помучаются... и ты помучаешься, наблюдая за ними. А потом и сам сдохнешь!

Васька только хлопал глазами, слушая ее. «Какую-то пургу она гонит», – подумал растерянно.

– Ишь, вытаращился! – ухмыльнулась Ульяна. – А сейчас такое узришь... Эй, левый глазок, покажи нам то, что видит правый!

Портрет затрясся так, словно собирался сорваться со стены. Трещины пошли волнами, а потом вдруг все разгладились, словно и не было их никогда, и перед Васькой предстала половинка женского лица изумительной, несказанной красоты.

Какие седые волосы? Они оказались рыжими, золотистыми, солнечными. Какая старуха?! Женщина на портрете была молода и прекрасна.

Да, это вам не ведьма Ульяна с ее крючковатым носом! Все в лице Марфы Ибрагимовны было гармонично и неотразимо – это понимал даже Васька. И если она в молодые годы и в самом деле была такая, неудивительно, что с нее портреты писали!

На Ваську взглянул зеленый глаз – и ему почудилось, будто он заглянул в зеленый омут. А через мгновение в омуте показались какие-то фигуры, лица... и Васька увидел свой дом, увидел квартиру, в которой прожил почти тринадцать лет...

«Левый глазок, покажи нам то, что видит правый», – приказала ведьма Ульяна. Значит, сообразил Васька, левая половинка этого портрета может видеть то, что видит правая, которая в это время находится в доме Тимофеевых. Ну и чудеса...

И тут же Васька позабыл обо всем на свете, потому что увидел маму.

Свою маму!

– Мамочка! – заорал он что было сил, но в ответ получил только ехидный смешок Ульяны:

– Зря стараешься, котиска-оборотень. Тебя никто не слышит.

У Васьки все плыло в глазах, пока он не понял, что плачет, и не смахнул слезы сначала одной лапкой, потом другой. Чтобы не мешали смотреть на маму.

Мама стояла у окна Васькиной комнаты и печально глядела на улицу. А рядом с ней топтался тощий мальчишка с пепельными волосами и курносой физиономией, украшенной двумя изрядными царапинами.

Кот-мальчик!

– Не понимаю, как ты мог так поступить, – тихо сказала мама, не оборачиваясь. – Конечно, котенок оцарапал тебя, конечно, тебе было больно, но выбросить его на дорогу... просто взять и выбросить, будто огрызок от яблока, будто конфетную бумажку... это было жестоко, Васька, неужели ты не понимаешь?! Самое обидное, что именно в эту минуту пробка рассосалась, машины тронулись. Мы даже не сразу поняли, что произошло, а когда спохватились, было уже поздно... А вдруг котеночек разбился? Вдруг ударился так сильно, что погиб?!

– Да ладно тебе, мам, – сказал кот-мальчик невыносимо противным, каким-то мяукающим голосом.

Васька точно знал, что его собственный голос раньше был другим, и просто диву давался, что мама ничего, никаких изменений не замечает.

– Не переживай, – продолжал кот-мальчик. – Кошки всегда падают на четыре лапы, они с какой угодно высоты прыгнуть могут и жутко живучи. Ничего с ним не случилось, с этим котенком. Спорим, он уже вернулся к себе домой? И вообще, ты так о нем переживаешь, будто он твой родственник! Давай лучше поедим, а?

– Подогреть суп или мясо тушеное? – спросила мама покорно.

– М-мяу-со! Конечно, м-мяу-со! – промурлыкал кот-мальчик, и опять мама ничего не заметила и вышла из комнаты, грустно опустив голову.

Может быть, она так переживает потому, что чувствует: она лишилась не просто какого-то там котенка, а родного сына? Ах, как бы Ваське хотелось так думать!

Дальше произошла вот такая странная штука. Васька одновременно видел и маму, которая грела на кухне обед для того, кого она считала своим сыном, и этого паршивого самозванца.

Оставшись в одиночестве в Васькиной комнате, которая теперь принадлежала ему, кот-мальчик первым делом бросился к дивану, вскочил на него с ногами и принялся остервенело драть пальцами диванную спинку! При этом он пофыркивал и подмякивал ну совершенно как кот, которому приспичило срочно поточить когти.

Однако ничего у него не получилось, потому что Васькины ногти оказались коротко подстрижены. Дело в том, что его совсем недавно с превеликим трудом отучили эти ногти грызть, и мама теперь в оба глаза следила, чтобы они не отрастали больше чем на миллиметр.

Кот-мальчик с отвращением поглядел на свои, то есть Васькины, руки, злобно фыркнул и свернулся клубочком в углу дивана. Правда, спокойствия его хватило ненадолго. То, что он затеял потом, не лезло вообще ни в какие ворота. Поплевал себе на руку и принялся растирать слюну по лицу! Не сразу до Васьки дошло, что бывший котенок просто-напросто решил умыться.

Честно – если бы Васька не наблюдал это своими глазами, он ни за что не поверил бы, что человек может так себя вести!

Хотя, с другой стороны, разве перед ним был человек? Конечно нет!

Кот-мальчик оказался ужасным чистюлей. Он умывался очень старательно: и лицо помыл, и голову, и принялся за шею, когда мама позвала ужинать.

Тут он сверзился с дивана на четвереньки. Забыл, наверное, что уже не может падать на четыре лапы с любой высоты без всякого вреда для себя, ну и крепко ушиб локти и колени.

«Так тебе и надо!» – с ненавистью подумал Васька.

Злобно пошипев и пофыркав, кот-мальчик торопливо потер ушибленные места ладошкой – сначала, конечно, полизав ее и занеся, между прочим, в захваченный мерзким колдовством организм Василия Тимофеева очередное количество микробов.

Во что же превратится этот самый организм к тому времени, когда в него вернется законный хозяин?! Да он, наверное, из поликлиники вылезать не будет, горстями лекарства станет пить, когда вернется в свое тело!

Но тотчас до Васьки дошло, что его шансы на это возвращение равны не просто нулю, но нулю с минусом, и он чуть не разрыдался. Удержало его только то, что мерзкая ведьма Ульяна, конечно же, очень порадовалась бы его отчаянию, ну и Васька из гордости решил не давать ей такой возможности.

Тем временем кот-мальчик примчался на кухню, оглядел сначала все углы, видимо, пытаясь отыскать там кошачью площадку с едой, потом спохватился, посмотрел на стол, издал радостный мяв – и попытался вскочить на табуретку с ногами. Однако ничего из этого не вышло: табуретка была маленькая. Кое-как устроился по-человечески, придвинул к себе тарелку с тушеным мясом и картошечкой и облизнулся.

У Васьки Тимофеева рот наполнился голодной слюной, потому что это было его любимое блюдо, да и вообще – он ведь только завтракал сегодня, а сейчас дело к вечеру! Однако он мгновенно забыл о голоде при виде невероятной картины: кот-мальчик принялся есть прямо из тарелки, обходясь не только без вилки и ножа, но даже без помощи рук! А потом, заметив, что разбросал по столу куски мяса, картошки и разбрызгал подливку, проворно слизал все это языком. И надо же было так случиться, что именно в это мгновение на кухню вернулась мама!

Кот-мальчик начисто вылизал стол и теперь сидел с довольным видом и сыто шурился. А Васькина мама смотрела на него.

Васька видел ее лицо, такое изумленное и негодующее... такое любимое и родное!

«Мамочка, стукни его как следует! Стукни!» – мысленно взмолился он.

Нет, было бы еще лучше, если бы мама решила, что ее сын спятил, что нужно его срочно отправить в психушку, надеть на него смирительную рубашку, посадить за решетку и лечить с помощью лоботомии.

Несколько мгновений зрелище кота-мальчика в смирительной рубашке и за решеткой тешило воображение Васьки Тимофеева, а потом перестало. Просто потому, что мама никогда не отправила бы своего сына – даже такого, каким он стал теперь! – в психушку...

Вдруг все: и кухня родного дома, и кот-мальчик, и потрясенная мама – все это пропало, что-то оглушительно загрохотало, и Васька осознал, что снова смотрит в левый глаз портрета

Марфы Ибрагимовны Угрюмовой. Глаз этот испуганно заморгал, портрет снова собрался морщинами-трещинами, а в следующее мгновение Васька понял, что так сильно грохотало. Это был удар грома!

Васька вспомнил, как папа предупреждал: мол, гроза к вечеру грянет.

И он не ошибся. Гроза разразилась-таки. По крыше ударили первые капли дождя.

– Боишься грозы, котик-оборотень? – вкрадчиво спросила ведьма Ульяна.

Если бы Васька мог, он бы пожал в ответ плечами: мол, а чего ее бояться?

– Да ты, я погляжу, храбрец! – одобрительно кивнула Ульяна. – Значит, повезло мне... да и тебе, значит, повезло. Видишь ли, Васька, я заменила тебя своим слугой. Теперь назад ему ходу нет, а я осталась без помощника. Но ты мне нравишься! Ловко от вороны, то есть от меня, в лесу ускользнул, поглядеть в глаз Марфы Ибрагимовны не струсил, теперь вот грозы не страшишься... Люблю храбрецов! Хочешь, я тебя премудрости своей обучу? Послужишь у меня, а потом и сам станешь колдуном! Будешь ты могуч, богат сказочно и неодолим врагами, всех их ты в бараний рог согнешь одним махом! Все твои желания станут исполняться быстрее, чем ты пожелать успеешь... Ну что, согласен, Васька?

Быстрее молнии промелькнул в Васькиной голове собственный образ в виде кого-то, кто могущественней Дамблдора и Волан-де-Морта вместе взятых, кто запросто сгибает в бараний рог ведьму Ульяну и кота-мальчика... и он так старательно закивал, что у него даже шея заболела:

– Согласен! Я согласен!

– Ну, коли так, – довольным голосом сказала Ульяна, – настало время приступить к испытанию.

– К испытанию? – удивился Васька.

Вот те на, а он-то думал, что учеба прямо сейчас начнется и он будет стараться изо всех сил и превзойдет своими знаниями учителей своих и товарищей своих, как выразился бы старик Хоттабыч... главное, поскорей превзойти эту ужасную училку, чтобы расправиться с ней! А тут, оказывается, еще какие-то испытания...

– Конечно, – кивнула ведьма Ульяна. – Мне нужен не просто храбрец отъявленный, а тот, кто головой думать умеет, когда надо. Но знай: если не выдержишь испытания, я тебя из дома выброшу во двор, под дождь, гром и молнии.

«Велика беда! – мысленно усмехнулся Васька. – Можно подумать, я под дождь никогда не попадал! В грозу главное – не прятаться под высокое дерево и не лезть туда, где железо».

– Терпи, оставайся неподвижен, тогда ждет тебя удача, – предупредила Ульяна. – Ну а закричишь – конец тебе.

Ее фигура вдруг завилась крутым черным смерчем – и откуда ни возьмись появился перед Васькой огромный пес. Хотя нет, это был волк, потому что был он худ и сер, глаза у него сверкали голодным блеском, а из пасти капала слюна. Зубы у волка были очень острые: ясно, что он готов этими зубами перемолоть Ваську в мелкий фарш, а потом проглотить!

Васька отпрянул и прижался к стене. Волк подступил к нему и клацнул своими зубищами. У Васьки дыхание от ужаса сперло, и, наверное, именно поэтому он и не заорал с перепугу!

Но это оказалось еще не самое страшное. С головы волка вдруг полезла шерсть, потом начала отваливаться шкура, вытянутая морда сделалась более плоской – и Васька увидел, что никакой это не волк, а человек, хотя и страшно уродливый.

«Оборотень!» – ужаснулся Васька.

– Догадливый! – взвыл оборотень. Ухмыльнулся, вприщур глянул на Ваську злобными насмешливыми глазами, клацнул зубами все еще по-волчьи, потом когтем содрал со щеки ошметок шерсти, которая почему-то еще не сошла, – и протянул к Ваське когтистую лапу. Однако когти с каждым мгновением все больше становились похожи на человеческие ногти, пальцы вытягивались, покрытая шерстью лапа принимала очертания ладони...

«Да это ведь то же самое, что со мной происходило! – вспомнил Васька. – Только наоборот! Тогда я в kota превращался, а теперь волк превращается в человека! Довольно интересно...»

Уродливая физиономия оборотня недовольно исказилась, он снова клацнул зубами, закинул голову, протяжно и злобно взвыл – и исчез, как будто его и не было, а породившая его тьма снова расползлась по щелям и углам.

Васька перевел дух. Если это было первое испытание, то оно оказалось хоть и очень-очень страшным, но довольно интересным и даже, можно сказать, познавательным!

Вдруг его взгляд случайно упал на портрет Марфы Ибрагимовны, и Васька увидел, что половинка рта на портрете улыбается, а зеленый глаз поблескивает. Похоже, Марфа Ибрагимовна была довольна, что он преодолел первое испытание.

Интересно, а почему? Почему ей хочется, чтобы Васька пошел к ведьме Ульяне в ученики и стал колдуном? Уж не потому ли, что и Марфа Ибрагимовна мечтает, чтобы кто-нибудь Ульяну согнул в бараний рог?

Додумать Васька не успел: тьма вновь вырвалась из своих щелей и ринулась к нему так стремительно, что он влип в стену, словно хотел продавить разошедшиеся бревна насквозь. И вот из этой то зыбкой, то наливающейся плотью черной мглы начали возникать, сменяя друг друга, фигура за фигурой, и каждая была ужасней другой. На Ваську тарасились пустые глазницы черепов, изъеденных гнилью; к нему тянулись окостенелые пальцы, которые высывались из серых пыльных рукавов каких-то ряс...

Васька трясся, но терпел и молчал.

Потом вдруг явилась фигура в заплесневелом, туго запеленатом саване и начала выпутываться из него, извиваясь как змея. Наконец ей удалось высвободить одну руку, но это оказалась не рука, а в самом деле змея! Белая змея – отвратительно-белая, тускло-белая и влажная, словно слизень, притаившийся под грудой какого-нибудь заплесневелого, вонючего тряпья, давным-давно брошенного в сыром углу.

Из головы змеи-слизня показались не то зубы, не то пальцы, и они начали не то грызть, не то рвать саван на груди. Наконец ткань треснула – и Васька увидел, что там, в груди фигуры, на месте сердца кипит и клубится какая-то черно-сизо-белая куча... Но нет, это был клубок змеиных тел, понял он через мгновение! А ткань трещала, трещала, дыра расширялась, вот-вот должно было открыться лицо, и невозможно было представить себе, каким ужасным оно окажется!

Но вот саван на голове фигуры наконец треснул, и десятки змей разом высунулись в образовавшуюся дыру, завертели головами, словно озираясь, словно пытаясь понять, где находятся... и вдруг увидели крошечного котенка, замершего у стены.

Фигура медленно наклонила голову, все змеи разом потянулись к Ваське – и он не выдержал.

Нет, он не закричал и даже не замыкал, потому что ни кричать, ни мяукать было просто нечем: все нутро его словно спеклось от страха – горло ссохлось, и голос в нем ссохся. И все же то, что он чувствовал, был не страх, а что-то больше страха...

Ненависть, вот что это было! Да, Васька внезапно преисполнился смертельной ненависти к ведьме Ульяне, которая лишила его родителей, дома, привычной жизни, превратила в жалкого котенка, да еще и безжалостно донимала этими отвратительными ужасами. Он ринулся вперед – и вцепился зубами в одну из змеиных голов!

В те времена, когда Васька был мальчишкой, он, наверное, умер бы при одной мысли о том, что может схватить змею за голову, да еще зубами. Но сейчас, сделавшись котом, он откуда-то знал, что надо поступить именно так и стиснуть зубы как можно крепче. Васька так и сделал... и в то же мгновение раздался ужасный, исполненный боли визг!

Васька словно бы оглох и ослеп от этого визга, а потом что-то вцепилось ему в загривок с такой силой, что челюсти его разжались и змеиная голова выскользнула из них.

В следующее мгновение он обнаружил себя в руке у ведьмы Ульяны, которая слабо постанывала, потирая другой рукой шею, и с ненавистью смотрела на Ваську:

– Ах ты пакость живучая! Я тебя так и этак, а ты...

Внезапно она покачнулась и чуть не выронила Ваську, с такой силой вновь ударил гром, и дождь, который до этого лишь постукивал по крыше, хлынул неудержимо.

Там, где окна были заколочены досками, начало подтекать; с потолка закапало.

Грянул новый раскат грома!

Ульяна выскочила в сени, чуть приотворила дверь на крыльцо и быстро проговорила, ехидно глядя на Ваську, беспомощно висящего в ее руке:

– Хотела бы, ох как хотела бы я тебе шею свернуть, да, на беду, сама я тебя убить не могу. Однако вдруг да гроза поможет? Те, кто в Бога верует, говорят: в грозу-де черти за кошек прячутся, а Илья-пророк, который всех чертей норовит извести, бьет в них молниями без промаха. Потому в грозу знающие люди котиное племя вон из избы выбрасывают. Посмотрим же, каков ты удачник! Коли суждено тебе выжить – выживешь, ну а на нет и суда нет!

Выпалив все это одним духом, Ульяна с размаху швырнула Ваську во двор, а потом с грохотом захлопнула щелястую дверь.

* * *

Васька угодил в середину огромной грязной лужи, которая уже успела разлиться посреди двора. Рядом вскипали пузыри: дождь хлестал немилосердно, а громы и молнии чередовались с устрашающим упорством, причем огненные стрелы втыкались в землю практически рядом с лужей.

Да что ж он вытворяет, этот Илья-пророк?! Черт за кошкой прячется?! Нашел тоже кошку!

При очередной вспышке молнии Васька заметил неподалеку, в заросшем заброшенном огороде, какое-то строение. Оно казалось еще более кособоким и невзрачным, чем домишко Марфы Ибрагимовны, однако все же это были какие-никакие стены, какая-никакая крыша!

Васька кинулся в огород, немедленно угодив в джунгли из крапивы, полыни, лебеды и каких-то других сорняков, которым он не ведал названия.

И вот наконец исхлестанный травой Васька проворно взобрался на покосившееся крыльцо и прижался всем телом к двери. Она громко, протяжно скрипнула – и Васька ввалился в какое-то помещение, пахнувшее запустением и сыростью.

Вокруг царил темнота, однако темнота Ваське с некоторых пор стала не помеха. Ведь все кошки никталопы, то есть могут одинаково хорошо видеть и днем и ночью. Приобрел это умение и Васька Тимофеев, и, похоже, на сегодняшний день это было единственное благо, которое принесло ему случившееся с ним превращение!

Честно, он вполне обошелся бы без этого блага, только бы удалось вернуться домой!

И наконец хоть чего-нибудь поесть...

Например, тушеного с картошкой мяса или пару-троечку куриных котлет с рисом. Обыкновенная вареная курица из супа с вермишелью тоже прошла бы на ура.

От таких мыслей есть захотелось еще сильнее – даже в дрожь бросило! Однако его трясло не только от голода, но и от холода. Он совершенно вымок – а вытереться-то было нечем.

Последовать примеру кота-мальчика и начать вылизываться Васька даже не собирался. Он чувствовал себя человеком и хотел нормально, по-человечески вытереться полотенцем!

И вдруг он сообразил, что за странный слабый запах царит в этой сараюшке. Пахло березовыми вениками!

И впрямь – возле пыльной, давным-давно остывшей каменки¹ и в самом деле была навалена груда старых-престарых березовых веников.

Значит, это не просто сараюшка, а старая заброшенная баня... А вдруг кто-нибудь из ее прежних посетителей забыл здесь свое полотенчко?

Васька обшарил все: заглянул в старые разошедшиеся деревянные ведра, протиснулся даже за большую кадку, стоявшую под стеной и почему-то полную воды, но ничего не нашел.

Осталась неисследованной только куча березовых веников возле каменки.

Он подошел и осторожно пошевелил лапкой ближайший веник. Тот высох так, что листья посыпались рыжей трухой и Васька расчихался.

Почудилось ему – или в самом деле что-то прошуршало там, за вениками, в углу? Небось притаившаяся мышка размышляет, в какую сторону кинуться наутек, чтобы спастись от кошачьих зубов...

Напрасно она трясется! Васька-человек мышей не боялся, а Васька-кот совершенно не рассматривал их в качестве пищи.

Еще не хватало всякую гадость есть! Да еще и сырую!

– Не бойся, мышка, я тебя не трону! – буркнул он и решительно полез было в гущу веников, как вдруг услышал, что там кто-то резко и тяжело дышит, словно стараясь сдержать и скрыть себя, но это ему плохо удается.

Это определенно была не мышка.

Может, крыса? Крыс Васька Тимофеев тоже не боялся, но это когда было! Тогда он мог какую угодно крысу пинком отогнать, а сейчас какая угодно крыса его запросто напополам перекусит...

Васька попятился, однако было поздно!

Раздалось ужасное храпение, хохот, вой и свист, такие громкие, что Васька чуть не оглох, а потом старые веники разлетелись в разные стороны, из них что-то выскочило, схватило Ваську за загривок, подняло в воздух, с силой размахнулось им – и швырнуло в стену.

Васька дернулся всем телом, пытаясь замедлить свой полет или хотя бы изменить его траекторию, чтобы не разбиться всмятку.

Фокус удался, потому что он не влип в стену, а только слегка задел ее, а потом...

Потом он с громким плеском свалился в кадку, полную воды, и камнем пошел ко дну! Как будто сорвался с вышки в бассейн!

Не далее как два месяца назад, незадолго до окончания учебного года, Василий Тимофеев участвовал в районных соревнованиях среди шестиклассников по плаванию и даже занял призовое третье место. Сейчас было покруче соревнований – надо было жизнь спасать!

На всякий случай он нырнул и затаился на дне. Вдруг этот, который швырнул Ваську в воду, тоже плюхнет в бочку и начнет его топить? Тогда придется нападать первым...

Однако в бочку никто не плюхался. Пора выбираться на поверхность, тем более что воздуха осталось не много.

Васька вынырнул, доплыл (правда не слишком стильно, а так себе, довольно неуклюже подгребая под себя лапками) до бортика этого странного бассейна, в смысле до края бочки, и, зацепившись когтями, выбрался на него.

Наконец Васька спрыгнул на пол, отряхнулся, потряс головой – и внезапно услышал рядом надтреснутый, скрипучий и шепелявый голосишко:

– Так я и знал, что никакой ты не кот!

Васька прижался спиной к кадке, чтобы защитить тылы, затравленно огляделся – и ошалело помотал головой, не в силах поверить глазам.

¹ Каменка – печка в деревенской бане, сложенная из камней. На эту раскаленную печку плещут воду, чтобы поддать пару.

Перед ним стоял обросший полуседой бородой человек, до того маленький, сухонький и несуразный, что хотелось назвать его «человечком» или вовсе «человечишком», а бороду его – «бородкой» или вовсе «бороденкой». Был он чуть сгорблен, кривобок, кривоног, бос и почти гол, если не считать некоторого количества пожухлых дубовых и березовых листьев, которые, наверное, отвалились от веников и словно бы прилипли к его телу, образуя подобие одежды. Зато на его голову была нахлобучена большая ушанка – серая от времени, пыли и плесени, с длинными обтрепанными завязками, которые образовывали на макушке легкомысленный бантик.

Незнакомец был настолько неказист и невзрачен, что трудно было поверить, будто это именно он недавно издавал посвист, вполне достойный Соловья-разбойника, Одихмантьева сына.

– Никакой ты не кот! – повторил человек своим скрипучим и шепелявым голосишком. – Зрак круглый, вокруг очей ресницы торчат, нырять да плавать умеешь... Кот немедля ко дну пошел бы, в такую глубь канув! Человек ты! Но кто же тебя так изурочил, болезный? Которая из нашенских ведьм?

Слово «изурочить» – совершенно непонятное, конечно! – вдруг самым болезненным образом напомнило Ваське о школьных уроках, попасть на которые он сможет когда-нибудь еще или нет – совершенно неведомо.

Странно, конечно, устроен человек... Раньше Васька пользовался бы любой возможностью избавиться от этих самых уроков, а сейчас вдруг осознал, что это неотъемлемая часть его прежней, человеческой жизни, которую он всю – со всем плохим и хорошим, невыносимым и отличным, – всю потерял! И это осознание совершенно пришибло Ваську. Стало, так сказать, соломинкой, которая сломала спину верблюда, последней каплей, переполнившей чашу страданий... и все, что накопилось в его душе в этот ужасный, ужаснейший день вдруг пролилось слезами.

Конечно, Ваське случалось плакать и в былые, человеческие дни, он знал вкус слез, но тогда эти слезы были так себе – малосольные какие-то, а сейчас стали именно горькими и даже, можно сказать, горячими!

Васька чуть не захлебнулся слезищами, как вдруг почувствовал прикосновение чего-то мягонького к своему лицу, то есть к мордочке своей, – мягонького, но такого пыльного, что он расчихался.

Открыл глаза – и увидел, что облепленный листьями человек пытается вытереть ему слезы какой-то чрезвычайно ветхой тряпицей.

– Да будет тебе, котишко-оборотень! – ласково проговорил человек. – Не бойся меня! Я ж только так... пугаю для порядка. Раньше службу свою исправно нес: только соберись кто после полуночи в баньке моей попариться – я его вмиг запарю до смерти. Или, скажем, ежели начнет кто словами непотребными крыть – тоже живой от меня не уйдет. Да уж, давал я себе волюшку в былые времена! Чтобы задобрить меня, люди оставляли мне краюшку ржаного, густо присоленного хлебца, обмылок да ветошку. Вот, – человек помахал тряпицей, – все, что осталось мне от тех незапамятных времен, когда люди банника почитали, боялись, уважали!

– Кого-кого почитали? – все еще всхлипывая, спросил Васька.

– Да меня, кого же еще, – пожал плечами человек. – Неужто не признал, котишко? Банник я здешний.

– Банщик? – растерянно переспросил Васька.

– Банник, глупый ты оборотень! – рассердился человек. – Хозяин местный. Вот это все – мое владение, – он обвел сухонькой рукой неказистое строение. – Конечно, не бог вещь что по сравнению с той избой, что у меня раньше была, – да разве мог я с рыжей ведьмой Марфушкой сладить!.. Не по силам мне это оказалось!

– С какой ведьмой Марфушкой? – удивился Васька. – Я знаю только ведьму Ульяну.

– Ульяна, разрази ее гром небесный, ныне живет и здравствует, а ведьма Марфушка вершила свои черные дела лет полтора назад, – пояснил банник. – А потом, после долгих мучений, преставилась. Померла, стало быть.

– Это Марфа Ибрагимовна – ведьма Марфушка, что ли? – догадался Васька.

– Она самая, – кивнул банник. – Первейшая ведьма была по всей округе! Чего только не вытворяла! Бывало, придет баба утром корову подоить, а у той вымя пустое, ни капли молока не выцедишь. А почему? Потому что Марфушка рыжей кошкой ночью скинется, в коровник заберется, к вымени присосется да все молочко до последней капельки и выцедит. Или по истой злобе перевяжет вымя своим рыжим волоском – и корова доиться вовсе перестанет. Еще она большой мастерицей была заломы на полях делать. Слышал, что такое залом?

Васька помотал головой.

– Залом заломать – это вернейший способ урожай загубить на корню, привести крестьянское хозяйство в полное сокрушение, – словоохотливо начал объяснять банник.

Судя по всему, он давным-давно ни с кем не разговаривал и теперь радовался случаю хоть с каким-то случайно забредшим котом-оборотнем пообщаться:

– Выйдет, бывало, ведьма в поле на вечерней заре – и начнет колосья в узлы связывать. И творит она сие лихое дело благодаря своей колдовской силе с такой быстротой, что за ночь успеет два, а то и три поля испоганить. От залома колосья мигом гниют. Придет хозяин утром урожай собирать, а тот наполовину погублен. А сколько народу она испортила! Кому хомут наденет, на кого порчу наведет, кого сглазит, а то и попросту напакостит: скажем, спит человек с разинутым ртом – так Марфушка заговором змею приманит и в рот ему запустит. Змея свернется у него в желудке да и живет там поживает. Страдальцу и невдомек, что за хворь на него напала, отчего его и тошнит, и мутит, и жизнь не мила... А уж меня-то она как злодейски изурочила!

Банник тяжело вздохнул и так сокрушенно закачал головой, что шапка сползла ему на глаза. Пока он ее поправлял, в торопливом рассказе его возникла пауза, в которую Васька немедленно встрял с вопросом:

– Что такое «изурочить»? И этот... «хомут надеть»?

– Да то же, что испортить, хворь навести или невзгону какую сокрушительную, – последовал ответ. – Тебя, вишь ты, невольным оборотнем сделала.

– Невольным оборотнем? – пробормотал Васька.

– Ну да! Нешто ты по своей воле котом обернулся?!

Васька только вздохнул:

– Какое там...

– То-то и оно, – понятно кивнул банник. – Ежели кто сам оборотнем становится, он веселится да радуется, а ты мне, вишь, слезами всю баньку залил. Я и сам сколько пролил слез, когда Марфушка меня сюда определила!..

– А вы раньше в другой бане обитали? – спросил Васька.

Не то чтобы его это очень уж волновало, но как-то неловко стало не спросить. Этот банник так ему сочувствует – элементарная вежливость требует проявить хотя бы небольшой интерес к его проблемам!

– Раньше? – горько усмехнулся банник. – Ты что ж, думаешь, я этакой нечистой силой и родился? Нет! Раньше, брат ты мой, был и я человеком, да не простым – был я знаменитым знахарем! Лечил людей травами и добрыми заговорами. А главное – с ведьмой противоборствовал. Что она испакостит – я приду и поправлю. На всякое Марфушкино злодейство находилось у меня добродейство. Ну и, сам понимаешь, она меня возненавидела – да и извела. Что самое обидное – моим собственным заговором извела!

– Это как? – спросил Васька – теперь отнюдь не из вежливости, а с искренним любопытством.

– Да так, – вздохнул банник уныло. – На Проклов день, двадцатого, стало быть, ноября², знахари извеку проклинаят скрывающуюся в подземных недрах нечисть лукавую – чтобы не выходила она из своих нор, чтобы не мучила жизнь человеческую. А такое наиважнейшее заклятие только тогда действительно, когда оно без ошибки произнесено, громко и четко. Для этого нужно, чтобы знахарь был разумом крепок и светел и чтобы у него все зубы были целы. И вот на Проклов день, рано поутру, еще затемно, поднялась она на Гадючью горку, что на север от нашего села, плюнула на все четыре стороны, встала по ветру и молвила злое слово. А я в тот час из дому вышел, чтобы нечисть заклинать. Ну и вдохнул Марфушкино ведьмовское слово вместе с ветром...

Видимо, банник устал с непривычки так много говорить, а может быть, печальные воспоминания его слишком расстроили, потому что голос его сделался еще более надтреснутым, он закашлялся и, прервав рассказ, пошел к кадке с водой.

Ухватился за край, подтянулся, наклонился, начал пить, да вдруг его потянуло вниз! Он перевесился, смешно дрыгая ногами, да так и канул бы в кадку, когда бы Васька не вцепился передними лапками в его босые пятки и не потянул.

Банник встал на ноги – с него ручьем лило!

– Сколько раз тебе говорено, Кузьмич, – сказал сердито, постучав себя по лбу, – не пей нападкой³ – подтолкнет черт лопаткой! Так и вышло. А тебе спасибо, брат! – обратился он к Ваське прочувствованно. – Еще не хватало – баннику в собственной бане утонуть! Спас ты меня. Я тебе добром за добро отплачу, даже не сомневайся. Ну, будем, что ли, знакомыми да друзьями?

И протянул Ваське маленькую сморщенную мокрую ладошку:

– Кузьмичом меня прежде звали, покуда знахарем да человеком был. Так и зови!

– Васька, – представился тот и подал правую лапку.

Банник Кузьмич осторожно потряс ее, а потом встряхнулся всем телом – и снова сделался сухим. Только из-под шапки самую чуточку подтекало.

– Вы бы шапку сняли да отжали, – посоветовал Васька.

– Нельзя! – Кузьмич значительно поднял палец. – Какой банник без шапки? Позор забываемый, вселенский! Опять же моя шапка не простая: она мне невидимость придает.

– Какая же это невидимость?! – изумился Васька. – Я вас отлично вижу.

– А то как же! Теперь меня увидеть могут только коты, оборотни, ведьмы да такие же нечистики, как я, а человек рядом пройдет – и не заметит. Вдобавок я в своей шапке корень дягиля ношу.

– Дягиля? А это что такое? И зачем его корень в шапке носить?

– Дягиль – растение придорожное, а корень его в шапке надо носить, чтобы люди любили.

– Ну и как? – осторожно спросил Васька. – Помогает?

– Да не очень чтобы очень, – тяжело вздохнул банник. – А по правде сказать, и вовсе не помогает. Люди ж меня не видят – как могут полюбить?

«Даже если бы увидели, не полюбили бы!» – сочувственно подумал Васька.

Конечно, первое впечатление банник производил... не лучшее, прямо скажем! Однако сам Васька уже пригляделся к новому знакомцу, привык к его весьма своеобразной внешности, а главное – тот такие интересные вещи рассказывал, что забывалось и о собственных несчастьях, и даже о голоде.

² По старому стилю – 20 ноября, а по новому день святого мученика Прокла отмечается 3 декабря.

³ Нападкой – то есть наклонившись через край ведра, кастрюли или бочки (*старин.*).

– Ну а дальше? – нетерпеливо спросил Васька. – Дальше-то что случилось? После того как вы ведьминское слово вдохнули на Проклов день?

– Ничего хорошего не случилось, – уныло ответил банник. – Немедля зубы у меня заболели и муть какая-то в голову взошла. Пошел я вдоль деревни и твержу заклятие против нечисти. Только при каждом слове зубы у меня качаются, а иные и выпадают вовсе. И бормочу я чушь какую-то... Мне надо громко сказать: «Проклинаю нечисть зловредную! Изыди, сила злая, не мути крещеный мир, не морочь добрых людей!» А я выпадающими зубами давлюсь и бормочу: «Благословляю нечисть зловредную! Явись, сила злая, мути крещеный мир, морочь добрых людей!»

– Ничего себе! – так и ахнул Васька. – Все наоборот!

– То-то и оно, – всхлипнул банник. – Все наоборот вымолвил, да шепеляво, коряво, беззубо... Тут же этим неправильным заговором меня в дугу согнуло. Ну а святой мученик Прокл, именем коего проклятие произносится, конечно, осерчал люто и крикнул с небес: «Коли так, знахарь Кузьмич, коли призываешь ты на землю нечисть лукавую, быть тебе от века по веку такой же нечистью! Ступай в ближнюю баню да неси там банную службу, покуда тебя кто-нибудь тайным заговором не отчитает!» Крикнул он таковы слова – и немедля поднялся страшный вихрь, закрутило меня, потащило куда-то – ну и приволокло сюда. Ближней-то банька ведьмы Марфушки оказалась! Курам на смех! Хотела она только мне пакость подстроить, а вышло, что заодно и сама себе напакостила. С тех пор ей ход в баню был закрыт. Я б ее насмерть запарил во всяком пару, хоть в первом, хоть в четвертом!

– Да, сложные у вас тут отношения, – пробормотал Васька – и сам себя еле расслышал, так громко забурчало вдруг в животе.

– Извините, – смущенно сказал он. – Это просто от голода. Понимаете, я же не совсем кот, мышей есть не могу...

– Ах же я чудище безмозглое! – воскликнул банник Кузьмич, шлепнув себя ладошкой по лбу, однако угодил по шапке, из которой взвился маленький пыльный смерч. – У меня же гость, а я про угощение позабыл!

Васька наострил уши и невольно облизнулся. Хозяин бани тем временем исчез среди своих веников, пошуршал там – и вынырнул, волоча за собой маленькую корзинку, которую с торжеством поставил перед Васькой:

– Вот! Ешь сколько влезет!

Васька с превеликим энтузиазмом сунулся было в корзинку – и с таким же превеликим разочарованием отвернулся, увидев горку черных, засохших до состояния полной окаменелости кусков хлеба, посыпанных там и сям такой же окаменелой солью, кое-где даже сросшейся кристаллами.

– Спасибо, конечно, – пробормотал он печально. – Но...

И умолк, призадумавшись, как бы повежливей донести до Кузьмича мысль, что угощение его несъедобно.

Может, соврать, что у него тоже проблемы с зубами?..

Однако в это время банник сам заглянул в свою корзинку – и вытаращил глаза.

– Что за напасть? – пробормотал растерянно. – Я ж гостя угощаю, гостя! Слышите, хлеб да соль?! Вы пошто перед гостем в таком виде показываетесь?!

Хлеб да соль, как и следовало ожидать, молчали.

Банник подумал-подумал, а потом вдруг снова шлепнул себя по лбу, то есть по шапке, снова подняв маленький пыльный вихрь.

– Ты, Васька, сам виноват, что еда несъедобна, – сказал он деловито.

«Конечно, – подумал Васька, – конечно, я виноват в том, что не пришел сюда сто или вообще сто пятьдесят лет назад, когда этот хлеб был еще свежим!»

– Ты же ко мне в гости не попросился! – продолжал Кузьмич. – Влетел в дверь без слова приветливого, а надо было сказать: «Хозяинушко-баннушко! Пусти гостевать-ночевать!» И тогда был бы тебе тут и стол, и дом, да еще я бы тебя от всякого лиха оберегал. Знаешь, как-то раз прибрел ко мне ночью один человек, сказал все слова нужные и спать лег вот на этой лавке. А за ним леший гнался. Подбежал к моей двери, ну и говорит как нечистик нечистику: «Пусти меня, банник, хочу я этого человека до смерти замучить!» А я говорю: «Нет, леший, не пушу я тебя и замучить человека не дам, потому что он у меня *просился!*»

– И что? – с любопытством спросил Васька.

– Да что ж? – пожал банник худенькими плечиками. – Проспал человек всю ночь спокойно и ушел путем-дорогою. Может статься, леший его потом настигнул, однако это уже не в баньке было! Так что, брат ты мой, коли хочешь яств и питья моего отведать, выйди-ка за дверь, постучи три раза и попросись по-людски.

– Хм! – не без иронии фыркнул Васька, однако спорить не стал, а послушно выкатился за порожек.

Гроза, оказывается, давно утихла. Темные облака еще заволакивали небо, но лучи заходящего солнца делали их не страшными, а почти красивыми.

Васька опасливо покосился в сторону избушки Марфы Ибрагимовны, иначе говоря ведьмы Марфушки, и уже приготовился постучать трижды и произнести нужные слова, чтобы напроситься в гости к баннику, как вдруг увидел, что из трубы ведьминой избы вырвался клуб черного, пронизанного искрами дыма, более похожего не на обычный печной дым, а на ту ужасную тьму, в которую облекалась Ульяна.

Тьма взвилась было к небесам, однако, словно спохватившись, опустилась и начала стелиться над избушкой, двором и даже потянулась к огороду.

«Она меня ищет!» – понял Васька.

Медлить было нельзя.

– Хозяинушко-баннушко! Пусти гостевать-ночевать! – пискнул он и, трижды постучав, ударился всем телом о дверь, чтобы оказаться в укрытии как можно скорей.

Дверь распахнулась, и в нос Ваське ударил умопомрачительный, ни с чем не сравнимый запах только что выпеченного, свежайшего хлеба!

Однако страх оказался сильнее голода: Васька обернулся и приник к дверной щелке, пытаясь разглядеть, улетела Ульяна или все еще реет над огородом в поисках своей жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.